

КЛИТОФОНЪ.

КЛИТОФОНЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Краткое сочиненіе, озаглавленное именемъ Клитофона, съ древнихъ временъ занимало мѣсто между сочиненіями Платона и, какъ подлинное Платоново, вошло въ сборникъ Стефана. Но доказать его подлинность — дѣло весьма трудное; потому что для этого надлежало бы напередъ рѣшить другой вопросъ: есть ли это нѣчто цѣлое, законченное, или только небольшой отрывокъ цѣлаго, которое въ полномъ своемъ составѣ до насъ не дошло?

Если на Клитофона будемъ смотрѣть, какъ на сочиненіе полное, то не только не найдемъ никакой причины относить его къ числу несомнѣнныхъ діалоговъ Платона, но еще увидимъ твердое основаніе для заключенія о его подложности. Такимъ основаніемъ будетъ тогда просто соображеніе цѣли, на которую Клитофонъ указываетъ своимъ содержаніемъ. Все содержаніе этого сочиненія можно въ нѣсколькихъ словахъ выразить такъ: ты, Сократъ, прекрасно хвалишь справедливость и располагаешь къ ней, а не знаешь, что значить поступать справедливо, или, по крайней мѣрѣ, не хочешь сказать этого. Отсюда естественно вытекаетъ цѣль Клитофона — показать слабую сторону Сократовыхъ бесѣдъ и чрезъ то возбудить недовѣрчивость къ нимъ въ его слушателяхъ. Могъ ли Платонъ въ своихъ діалогахъ не только стремиться къ такой цѣли, но и предполагать ее? Притомъ, незнаніе, что значить

поступать справедливо, ни въ какомъ случаѣ не могло быть обращено въ укоризну Сократу, когда это самое незнаніе онъ постоянно ставилъ на первомъ планѣ и всѣ способы философскаго изслѣдованія направлялъ не къ передачѣ знанія другимъ, а къ тому, чтобы, прикрываясь ироніею, отъ незнанія самому, вмѣстѣ съ другими, перейти къ знанію. Откуда же Платону могло бы придти на мысль въ этомъ краткомъ сочиненіи требовать отъ Сократовой философіи такого характера, какой поставилъ бы ее въ прямое противорѣчіе съ характеромъ Сократова мышленія во всѣхъ подлинныхъ его сочиненіяхъ? Поэтому мнѣ нравится догадка Шлейермахера, что Клитонъ могъ выдти изъ какой-нибудь лучшей афинской школы краснорѣчія, враждовавшей противъ Сократа и его послѣдователей, не исключая самаго Платона.

Но еслибы мы предположили, что подъ именемъ Клитона въ сборникѣ Платоновыхъ діалоговъ сохранилось сочиненіе неполное, — одна только часть его, или даже одно вступленіе; то не было бы, по крайней мѣрѣ, ничего страннаго допускать его подлинность. Тогда этотъ, дошедшій до насъ отрывокъ давалъ бы поводъ думать, что за содержащимся въ немъ монологомъ Клитона должна была слѣдовать бесѣда Сократа, въ которой надлежало ему либо указать на способы — доктринальную справедливость переводить въ самую жизнь, слѣдовательно начертать, на примѣръ, политику, либо сослаться на божественное внушеніе и руководство, къ которому нерѣдко обращается онъ въ сочиненіяхъ Платона. Это предположеніе дѣйствительно могло бы имѣть силу основанія, еслибы подлинность Клитона подтверждалась сверхъ того и другими внѣшними признаками, еслибы, на примѣръ, въ самомъ изложеніи и выраженіи его выдерживался характеръ рѣчи истинно платоновской. Но разборчивая филологическая критика этого не найдетъ, и потому придетъ почти къ несомнѣнному заключенію, что Клитонъ есть сочиненіе подложное.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И КЛИТОФОНЪ.

Одинъ человѣкъ недавно разсказывалъ намъ, что Клито- 406.
фонъ, сынъ Аристони́ма, разговаривая съ Лизіасомъ, порицалъ
собесѣдованія Сократовы и превозносилъ похвалами обраще-
ніе Тразимахово ¹.

Клит. Кто бы это ни былъ, Сократъ,—онъ неправильно
передалъ тебѣ мой относительно тебя разговоръ съ Лизіасомъ;
потому что я частію не хвалилъ тебя, а частію хвалилъ. Такъ
какъ явно, что ты бранишь меня, хотя и притворяешься, буд-
то это нисколько не тревожитъ тебя; то я съ особеннымъ удо-
вольствіемъ желалъ бы сообщить тебѣ нашу бесѣду, — тѣмъ
болѣе, что мы одни: тогда ты убѣдился бы, что я не такъ ху-
до думаю о тебѣ. Теперь тебѣ, можетъ быть, невѣрно пере-
дали ее, и оттого ты, повидимому, сердишься на меня болѣе
надлежащаго. Такъ еслибы дана была мнѣ воля говорить, я съ
удовольствіемъ воспользовался бы ею и сталъ бы говорить.

Сокр. Но вѣдь стыдно было бы мнѣ не допустить твоего 407.
разказа, когда ты расположенъ къ моей пользѣ; ибо узнавъ,

¹ Эти первыя строки Клитофона походятъ болѣе на надписаніе, или на
схолоію, показывающую поводъ, по которому происходилъ разговоръ между
Клитофономъ и Сократомъ. Здѣсь между начальною замѣткою и самымъ тек-
стомъ нѣтъ никакой связи, и замѣтка эта о Сократѣ и Клитофонѣ говоритъ
въ третьемъ лицѣ, чего Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ никогда не дѣ-
лаетъ.

что во мнѣ хуже и что лучше, одно буду я развивать и преслѣдовать, а другаго всѣми силами избѣгать ¹.

- Клит.* Слушай же. Обращаясь съ тобою, Сократъ, и слушая тебя, я часто изумлялся; мнѣ казалось, что ты говоришь гораздо превосходнѣе другихъ, когда, укоряя людей, восклицаешь, будто богъ изъ трагической машины, и проповѣдуешь: Куда мчитесь вы, люди? Развѣ не замѣчаете, что дѣлаете недолжное, когда всю свою заботу направляете къ деньгамъ, чтобы собрать ихъ, а о дѣтяхъ, которымъ передадите свои деньги, какимъ бы образомъ сѣумѣли они пользоваться этимъ, не радѣете: вы не ищете для нихъ учителей справедливости, если только она изучима, — а какъ скоро можно питаться и заниматься ею, — не ищете, кто бы достаточно питалъ и занималъ ихъ этою добродѣтелью; да и прежде еще — не образовали въ томъ же отношеніи самихъ себя, но видя, что и сами вы, С. и дѣти ваши достаточно научились грамотѣ, музыкѣ и гимнастикѣ, — что почитаете полнымъ курсомъ воспитанія въ добродѣтели, — тѣмъ не менѣе находите себя худыми со стороны матеріальной. Зачѣмъ же пренебрегаете вы своимъ воспитаніемъ и не ищете, кто бы избавилъ васъ отъ такой несообразности? Между тѣмъ отъ этой-то безпечности, отъ этого нерадѣнія, а не отъ того, что нога бьетъ тактъ не подѣ лиру, несообразно и негармонично относятся и братья къ брату, и Д. города къ городамъ, — отъ этого возмущаются они и, враждуя одни съ другими, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ страданіяхъ доходятъ до крайностей. А вы, напротивъ, говорите, что несправедливые бываютъ несправедливы не отъ необразованности и не отъ невѣжества, но по доброй волѣ. Вы осмѣливаетесь также говорить, что несправедливость есть дѣло постыдное и богоненавистное: но какимъ же образомъ такое-то

¹ *Всѣми силами избѣгать*, *φειδόμεναι κατὰ κράτος*, — выраженіе, часто встрѣчающееся у Омира и древнихъ греческихъ трагиковъ; но невидно, чтобы употреблялъ его въ своихъ сочиненіяхъ Платонъ, если исключимъ діалогъ подѣ именемъ Димодоха, въ которомъ оно есть, но который относится также къ сочиненіямъ подложнымъ.

зло избралъ бы кто-нибудь по доброй волѣ? Избереть, скажете, тотъ, кто побѣждается удовольствіемъ: но и это есть ли дѣло невольное, когда побѣждать зависитъ отъ нашей воли? Итакъ, выходитъ, что несправедливость всячески бываетъ поступкомъ невольнымъ, и что на это, какъ частно всякій человекъ, такъ и публично—всѣ города, должны обращать больше вниманія, чѣмъ сколько обращается теперь. Такъ вотъ, Сократъ, сколь ни часто слышу я такія твои рѣчи, всегда восхищаюсь и хвалю тебя съ восторгомъ. Хвалю я и твой выводъ изъ этого, что люди, имѣющіе попеченіе о тѣлахъ и нерадѣющіе о душѣ, дѣлаютъ не иное что, какъ нерадѣютъ о начальственномъ и пекутся о подвластномъ. Хвалю и тѣ твои слова, что чѣмъ кто не умѣетъ пользоваться, пользованіе тѣмъ лучше ему оставить: кто, на примѣръ, не умѣетъ употреблять ни глазъ, ни ушей, ни всего тѣла, тому лучше совсѣмъ не слышать, не видѣть и не пользоваться тѣломъ, чѣмъ пользоваться какъ-нибудь. Да то же надлежитъ сказать и объ искусствѣ. 408. Кто, на примѣръ, не умѣетъ пользоваться собственною лирою, тотъ, очевидно, не умѣетъ—и лирою сосѣда; а кто не умѣетъ пользоваться лирою другихъ, тотъ не умѣетъ—и своею; такимъ же образомъ, не сѣумѣетъ онъ пользоваться и другимъ инструментомъ, или какою-нибудь вещью. Прекрасно и оканчивается у тебя эта рѣчь, что кто не умѣетъ пользоваться душою, тому лучше дать душѣ покой и не жить, чѣмъ жить, дѣйствуя по произволу; а кому жить велитъ необходимость, тому лучше проводить жизнь въ рабствѣ, чѣмъ на свободѣ: пусть онъ кормило своей мысли, будто корабля, передастъ в. иному, знающему науку править людьми,—ту науку, которую ты, Сократъ, называлъ политикою, разумѣя подъ нею судебность и справедливость. Этимъ твоимъ словамъ и другимъ подобнымъ, каковыхъ было множество и которые высказаны прекрасно, что, на примѣръ, добродѣтель изучима и что о ней надобно стараться больше всего,—этимъ твоимъ словамъ я никогда почти и прежде не противорѣчилъ, и, думаю, не буду противорѣчить послѣ; потому что почитаю ихъ убѣдительно-

- С. ми и весьма полезными, такъ что они будто пробуждаютъ насъ отъ сна. Потомъ я приложилъ стараніе услышать, что слѣдовало за этимъ, и сперва не тебя, Сократъ, спрашивалъ о томъ, а сверстниковъ своихъ и соребвнвателей, — твоихъ друзей, или какъ иначе сказать о нихъ, относительно къ тебѣ; притомъ изъ этихъ спрашивалъ особенно тѣхъ, которые слывуть у тебя первыми, стараясь разузнать, что говорено было
- Д. послѣ сего, и подражая тебѣ, держалъ къ нимъ такую рѣчь: Почтеннѣйшіе! какъ же теперь разумѣть слышимыя нами увѣщанія Сократа къ добродѣтели? Только ли всего требуется тутъ, и идти далѣе въ этомъ дѣлѣ нельзя, чтобы овладѣть имъ окончательно, но во всю жизнь считать своею обязанностью — убѣждать еще неполучившихъ убѣжденія, и чтобы послѣдніе въ свою очередь убѣждали другихъ? Или, согласившись, что это самое долженъ дѣлать человѣкъ, слѣдуетъ намъ спросить
- Е. Сократа и другъ друга ¹, — что же изъ этого? какимъ образомъ, скажемъ, начать намъ ученіе о справедливости? Пусть бы кто-нибудь, видя, что мы, будто дѣти, и не подозреваемъ, что есть какая-то гимнастика и медицина, увѣщавалъ насъ имѣть попеченіе о тѣлѣ, да еще и укорялъ, говоря, что стыдно намъ всячески заботиться о пшеницѣ, ячменѣ, садовыхъ растеніяхъ и о всемъ, надъ чѣмъ трудимся и что пріобрѣтаемъ для тѣла, — а относительно того самаго не отыскиваемъ никакого искусства или способа, какъ бы вышло наилучшимъ наше тѣло, хотя такое искусство и есть. Мы, конечно, спросили бы тогда своего увѣщателя: скажешь ли ты намъ, какія это ис-
409. куства? А онъ, можетъ быть, отвѣчалъ бы: гимнастика и медицина. Спросимъ же мы и теперь: въ чемъ состоитъ искусство о добродѣтели души? и пусть Сократъ отвѣчаетъ. — Тутъ казавшійся изъ нихъ самымъ сильнымъ взялся отвѣчать на это и

¹ Спросить Сократа и друг друга, τὸν Σωκράτην καὶ ἀλλήλους ἐπανερωτᾶν. Эта фраза представляется намъ вовсе неплатоновскою. Платонъ соединяетъ собственныя имена нерѣдко съ какимъ-нибудь мѣстоимѣніемъ, но никогда не поставляетъ предъ ними члена, если не требуется особеннаго указанія на лицо, или когда членъ принимается не вмѣсто мѣстоимѣнія указательнаго.

сказалъ мнѣ: искусство, о которомъ ты слышишь отъ Сократа, есть не иное, какъ справедливость. — А я возразилъ: не имя мнѣ нужно, а вотъ что: Медицина, вѣроятно, называется какимъ-нибудь искусствомъ; а она совершаетъ два дѣла ¹: во-первыхъ, кромѣ наличныхъ врачей, всегда приготовляетъ дру- В. гихъ; во-вторыхъ, восстанавливаетъ здоровье. Но одно изъ этихъ дѣлъ есть еще не искусство, а только способъ научить и научиться искусству, называемому восстановленіемъ здоровья. То же самое и въ занятіи домостроительномъ: одно — домъ, другое — домостроительство; то — дѣло, а это — наука. Подобное должно быть и въ справедливости: одно пусть дѣлаетъ справедливыми, какъ тамъ — художниками, а другое — то, что можетъ дѣлать намъ справедливый. Скажи же мнѣ, какъ назвать это послѣднее? — Собесѣдникъ мой, помнится, отвѣчалъ, что это есть полезное, другой, — что это должное, третій, — что это выгод- С. ное, четвертый, — что это прибыльное. — А я опять сказалъ: вѣдь и тамъ — въ другихъ искусствахъ тѣ же имена, то-есть, дѣлать правильно — значить дѣлать прибыльное, полезное и иное тому подобное; но къ чему все это клонится? Каждое искусство выскажетъ свое собственное дѣло, какъ напримѣръ, строительное объявитъ своимъ дѣломъ — хорошо, красиво, по надлежащему готовить деревянные вещи, что самое еще не составляютъ искусства. Пусть же подобно этому сказано будетъ и о дѣлѣ справедливости. — Тогда наконецъ, Сократъ, D. кто-то изъ твоихъ друзей, говорившій, повидимому, съ самоувѣренностью, отвѣчалъ мнѣ, что особенное дѣло справедливости, неотносящееся ни къ какому иному искусству, есть — устанавливать въ городахъ дружбу. Этотъ, по поводу дѣлаемыхъ ему вопросовъ, полагалъ, что дружба есть добро и никогда не бываетъ зломъ. Но какъ скоро спросили его о дружескихъ отношеніяхъ дѣтей и звѣрей, означаемыхъ у насъ тоже именемъ дружбы, — онъ не хотѣлъ признать этого дружбою, ибо прихо-

¹ Совершаетъ два дѣла, διττά τὰ ἀποτελούμενα: выраженіе неплатоновское и вообще неточное, хотя оно было въ употребленіи, особенно во времена позднѣйшія.

дилось ему согласиться, что тѣ отношенія больше вредоносны, Е. чѣмъ добры. Итакъ, избѣгая сдѣланнаго возраженія, онъ въ такой дружбѣ не видѣлъ дружбы и говорилъ, что тѣ лгутъ, которые такъ называютъ ее: напротивъ, существенно и по-истинѣ дружба, очевидно, есть единомысліе. Потомъ, на вопросъ о единомысліи, — согласіе ли въ мнѣніяхъ, или знаніе разумѣтся подъ нимъ, — согласіе мнѣній онъ унижилъ; ибо у людей, по необходимости, бываетъ много такихъ согласныхъ мнѣній, которыя вредоносны тогда какъ дружбу признавалъ онъ во всякомъ случаѣ добромъ и дѣломъ справедливости, и потому говорилъ, что съ единомысліемъ тождественно знаніе, а не мнѣ-

410. ніе. Когда же мы въ своемъ недоумѣніи дошли до этого, — присутствовавшіе казались способными сдѣлать ему возраженіе и говорили, что его слово возвратилось къ прежнему положенію: вѣдь и медицина, замѣчали они, и всѣ искусства суть нѣкоторое единомысліе относительно къ тому, о чемъ они разсуждаютъ; стало-быть, все еще неизвѣстно, къ чему стремится разсматриваемая тобою справедливость, или единомысліе, и невидно, въ чемъ состоитъ ея дѣло. Послѣ всѣхъ, Сократъ, спрашивалъ я и тебя самого, и ты сказалъ мнѣ, что

В. дѣло справедливости вредить врагамъ, а друзьямъ дѣлать добро. Но впослѣдствіи оказалось, что вредить-то — справедливый никому не вредить, ибо дѣлаетъ все на пользу всѣмъ. И этого домогался я отъ тебя не разъ и не два, но настойчиво докучалъ тебѣ въ теченіе долгаго времени — съ той мыслию, что хотя ты и прекрасно дѣлаешь, увѣщая людей стараться о добродѣтели, но тутъ одно изъ двухъ: — либо это только и можешь ты, а далѣе ничего, — что умѣстно въ отношеніи ко всякому другому искусству, какъ напримѣръ, и не будучи корм-

С. чимъ, можно усердно хвалить кораблевожденіе, для людей весьма важное; — то же касательно другихъ искусствъ, то же вмѣнить тебѣ иной и касательно справедливости, полагая, что сколь ни прекрасно превозносишь ты справедливость, это еще не дѣлаетъ тебя знатокомъ ея, и такое мнѣніе, однакожъ, не мое, — такъ тутъ одно изъ двухъ: или ты не знаешь справед-

ливости, или не хочешь сообщить мнѣ о ней. Поэтому съ своимъ недоумѣніемъ я пойду, думаю, и къ Тразимаху, и всюду, **Д.** куда могу, пока не захочешь ты прекратить эти обращаема ко мнѣ увѣщанія. Еслибы, на примѣръ, тебѣ вздумалось убѣждать меня относительно гимнастики, что не должно пренебрегать тѣломъ; то въ заключеніе увѣщательной своей рѣчи ты сказалъ бы, каково по природѣ мое тѣло и въ какомъ ухаживаніи оно нуждается. Пусть то же будетъ и теперь. Положимъ, Клитонъ согласенъ, что смѣшно объ иномъ имѣть попеченіе, а о душѣ, ради которой предпринимаются нами всѣ прочіе труды, нерадѣть; положимъ, то же говорю я и о другомъ, что за тѣмъ слѣдовало и что сейчасъ было мною изложено: такъ вотъ убѣдительно прошу тебя отнюдь не дѣлать такъ, чтобы я, какъ теперь, за одно хвалилъ тебя предъ Лизіасомъ, или предъ кѣмъ бы то ни было, а за другое порицалъ. Вѣдь я буду говорить, Сократъ, что для человѣка, неубѣжденного тобою, ты дороже всего; а кто почти уже убѣжденъ, тому ты полагаешь препятствіе для усовершенія себя въ добродѣтели и для достиженія счастія. **Е.**
